

Восходящее солнце расцветило зелень горы Небесного Императора бледным золотом. По лазурному, точно драгоценный нефрит, небосводу плыли редкие облака, подсвеченные оранжевым и багряным.

— Берите только самое необходимое, мы не на прогулку собрались! — крикнул Цзян Чаншэн, оборачиваясь к своим подопечным.

Мо Ци, приняв истинный облик Цюнци, стремительно рассекал воздушные потоки. Вслед за ним, сбившись в кучу, летели рыжий кот Эр Пан, хаски Да Ша и хомяк Сань Ва. На их пушистых спинах красовались тюки едва ли не больше их самих — там были сушеные лакомства и вся та стряпня, которую Цзян Чаншэн готовил в обычные дни.

Разговаривая с Мо Ци, Цзян Чаншэн узнал, что в мире действительно есть места, изобилующие золотом и серебром, и предложил отправиться на гору Гаотушань. Это позволило бы убить двух зайцев сразу: выполнить задание «Шаньхайского дневника» и заодно раздобыть драгоценных металлов.

После недавнего ремонта безопасность ресторана вышла на новый уровень. Окруженное мощными массивами и чарами, заведение стало неприступным — если только не нагрянет мастер мирового масштаба, повторения истории с Сяо можно было не опасаться.

Всего четверть часа назад Цзян Чаншэн вывесил на дверях табличку «Закрето», но, обернувшись, наткнулся на три пары полных мольбы глаз.

Рыжий кот, прижимая к себе огненно-красное яйцо, обиженно промяукал:

— Хозяин, неужели мы опять останемся сторожить дом? Я ведь еще ни разу никуда не выбирался. Мир такой огромный, я так хочу его увидеть...

Да Ша промолчал. Он просто сидел, глядя вдаль с таким тоскливым и одиноким видом, будто был старым раненым волком. Всем своим существом он транслировал одну-единственную мысль: «Мне грустно, мне одиноко, я тоже хочу гулять».

Сирийский хомяк Сань Ва выглядел смущенным. В его глазках-бусинках читалось страстное желание отправиться в путь, боровшееся с врожденной скромностью. В конце концов, подавив вздох, он выдал:

— Я приму любое ваше решение, хозяин.

Цзян Чаншэн замаялся. Поколебавшись мгновение, он медленно произнес:

— Ну... может, на этот раз пойдём все вместе?

Троица разразилась радостным ликованием и мгновенно вытащила из-за дерева заранее приготовленные огромные узлы.

«Понятно, — подумал Цзян Чаншэн, — они собрали вещи еще до того, как спросили».

Гора Гаотушань располагалась в трех сотнях ли к юго-западу от горы Небесного Императора. Мо Ци летел со скоростью ветра, так что добрались они быстро.

Среди буйной зелени стройными рядами высились коричные деревья, наполняя воздух сладким, пряным ароматом. Дикие травы колыхались на ветру, а мелкие бледно-желтые цветы осыпались на белоснежные камни юйши.

Едва коснувшись земли, питомцы принялись носиться кругами и кувыркаться. Поднялся такой шум, что во все стороны полетели комья земли и сорванная трава.

— Да угомонитесь вы! Помните, зачем мы сюда пришли? — крикнул им издали Цзян Чаншэн.

После всех трансформаций зверята обрели недюжинную силу, которой порой не умели управлять. В ресторане они еще сдерживались, но здесь, на воле, каждый их прыжок превращался в локальный взрыв.

Повсюду под ногами лежали камни, белые как чистейший снег, и росла странная трава — стебли как у любистока, а листья точь-в-точь как у мальвы. Рыжий кот, нежась в лучах солнца, заметил на кончике травинки бабочку и клацнул зубами, пытаясь ее поймать.

Бабочка вспорхнула, и в тот самый миг, когда Эр Пан едва не коснулся листа, рядом внезапно возник Мо Ци. Как и всегда, он был в своих черно-красных одеждах и с неизменным бесстрастным выражением лица. Он смерил кота холодным взглядом алых глаз и навис над ним.

Эр Пан задрожал под тяжестью его ауры. Мо Ци наклонился, вытащил застрявшую в его усах травинку и небрежно бросил в грязь.

— В чем дело? — подошел Цзян Чаншэн.

— Эта трава называется Утяо, — ровным голосом ответил Мо Ци. — Она ядовита. Следи, чтобы твои звери ее не ели.

Сказав это, он бросил взгляд на корзину Цзян Чаншэна, доверху набитую красными листьями и белыми камнями, и на мгновение лишился дара речи.

Цзян Чаншэн сконфуженно высыпал содержимое корзины на землю:

— А я-то решил, что это какая-то редкость.

Мо Ци промолчал, подумав про себя, что питомцы порой удивительно похожи на своего хозяина.

Поняв, что от этой троицы помощи не дождешься, Цзян Чаншэн еще раз велел им быть осторожными и вместе с Мо Ци отправился на северный склон на поиски золотых и серебряных жил.

На берегах реки Чу отпечаталось множество следов диких зверей. Вода искрилась под солнцем. Брошенное на берегу огненное яйцо мерно покачивалось на ветру, словно наслаждаясь отдыхом. Помня наказ держаться подальше от ядовитой травы, питомцы залезли в воду, надеясь выудить какую-нибудь диковинную рыбу.

В это время на прибрежный камень опустилась птица, похожая на кобчика — с сизым оперением, но с человеческими ступнями. Заметив оставленный без присмотра узел, птица Шуси подскочила к нему и ловко вскрыла клювом. Почуввав аромат божественных яств, он удивленно попробовал кусочек и, придя в восторг, принялся клевать еще быстрее.

Вернувшись из воды, троица застала грабителя на месте преступления.

— Вор! Смотрите, ворует наши припасы! Какая наглая сова!

— Ах ты тварь, я это сам еще не ел!

Рыжий кот нанёс стремительный удар лапой, Да Ша бросился следом, а хомяк Сань Ва в прыжке вцепился птице в голову.

Несчастный Шуси едва не лишился чувств. Осыпаемый ударами и теряя перья, он с трудом взлетел и закричал на обидчиков:

— Вы что творите?!

Эр Пан возмутился:

— Надо же, какая бесстыжая птица! Украла нашу еду, а еще спрашивает, что мы творим!

— Давайте ее зажарим, — предложил Да Ша, и в глазах его сверкнул недобрый огонек.

— Пока хозяина нет, — добавил Сань Ва.

В вопросах еды эта троица была легка на подъем. Сказано — сделано: они разом прыгнули в сторону зависшей в воздухе птицы.

Зрачки Шуси расширились от ужаса:

— Стойте! Это моя гора, вы вообще должны были заплатить мне... А-а-а!

Душераздирающий птичий крик затих где-то в вышине.

Склоны горы были покрыты зарослями коричных деревьев, а на южной стороне виднелись россыпи алой киновари. Воздух был пропитан густым, сладким ароматом.

Обойдя весь северный склон, Цзян Чаншэн и Мо Ци наконец достигли цели. Перед ними предстали тянущиеся к небу нежно-золотые пики, чьи вершины утопали в тонкой дымке облаков.

Глаза Цзян Чаншэна загорелись. Ему почудилось, что его скромная мечта о финансовой свободе вот-вот исполнится. Пусть цвет этой золотой горы был не самым чистым, но для человека из двадцать первого века, привыкшего вечно беспокоиться о зарботке, это зрелище принесло глубочайшее удовлетворение.

Он с волнением повернулся к Мо Ци:

— Мы можем забрать эту гору с собой?

Мо Ци промолчал.

Цзян Чаншэн, пытаясь унять восторженную дрожь, добавил:

— Ну или хотя бы часть?

Мо Ци по-прежнему не проронил ни слова. Он лишь бросил на спутника мимолетный взгляд, а затем отвернулся. Ветер развевал полы его одежд. Легким движением руки он сотворил алое ветряное лезвие и обрушил его на склон.

Раздался оглушительный грохот, от которого у Цзян Чаншэна заложило уши.

Мо Ци наносил удар за ударом. Под натиском кроваво-красных клинков на твердой золотой породе появилась глубокая трещина, и пик медленно накренился.

— Простите, а что это вы здесь делаете? — внезапно раздался за их спинами мягкий голос.

Цзян Чаншэн вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял юноша с удивительно красивым и чистым лицом, словно сошедшим с полотна великого мастера. Вот только на голове у него красовались четыре рога, тело походило на оленье, а сзади виднелся белоснежный хвост.

— Вы... — Цзян Чаншэн поначалу оторопел от такого облика, но тут же был поражен этой странной, неземной красотой.

— Меня зовут Цзюэжу. Я живу здесь, на горе Гаотушань, так что меня можно считать ее хозяином, — он простодушно и кротко улыбнулся, напоминая белоснежный цветок, распустившийся в теплых лучах.

Цзян Чаншэну стало не по себе. Пытаться стащить золото прямо на глазах у владельца — это было уже слишком. Пытаясь сгладить неловкость, он выдавил улыбку:

— Тот господин — мой друг. Мы здесь... тренируемся.

Едва он договорил, за спиной раздался громовой треск — огромный кусок золотой жилы рухнул на землю. Мо Ци, небрежно и легко удерживая этот колоссальный обломок одной рукой, обернулся к Цзян Чаншэну:

— Все готово. Уходим.

Цзян Чаншэн лишился дара речи.

— В чем дело? — не понял Мо Ци.

Он перевел взгляд на незваного гостя, и в его глазах мелькнуло понимание:

— Я сейчас с ним разберусь, а ты постой в сторонке.

«Разберусь... в каком смысле?» — только успел подумать Цзян Чаншэн, как увидел, что в глубоком взоре Мо Ци вспыхнула жажда крови, и тот уже приготовился к атаке.

— Не надо! — Цзян Чаншэн в ужасе схватил Мо Ци за руку. — Оставь его в покое. Давай вернем золото и просто уйдем.

Мо Ци посмотрел на него с недоумением:

— Просто убьем его, и дело с концом. Ты ведь хотел золото?

— Это... это аморально.

— Разве у слабых есть право рассуждать о морали?

От этих слов у Цзян Чаншэна перехватило дыхание. Не желая больше спорить, он поспешил к Цзюэжу, который стоял в облаке пыли, и помог ему подняться:

— Ты в порядке?

Несмотря на незаслуженную обиду, на лице Цзюэжу не было и тени злости. Он лишь мягко улыбнулся:

— Тот, кто нанес удар... это ведь великий Цюнци, верно?

Мо Ци, стоя неподалеку, ничего не ответил. Залитый солнечным светом, он казался изваянием из безупречного нефрита, но от холода, исходившего от него, кровь стыла в жилах.

Цзюэжу негромко откашлялся и добавил:

— Золотая руда здесь не самого лучшего качества. Если вам нужно золото, я могу отвести вас на другой склон или показать свои запасы в пещере — там его гораздо больше.

Цзян Чаншэн замер. «Что это за ангел во плоти?» — пронеслось у него в голове.

— Послушай, это уже совсем ни в какие ворота не лезет... — пробормотал он.

Цзюэжу опустил взгляд, и лицо его омрачилось:

— Нет, что вы... Просто у меня тоже есть к вам одна просьба.

Цзян Чаншэн и Цзюэжу оказались на редкость приятными собеседниками и быстро нашли общий язык. Цзян Чаншэн открыл свой «Шаньхайский дневник» — там уже сияли двенадцать отметок, а теперь медленно проступили очертания горы Гаотушань и облик самого Цзюэжу.

Из разговора выяснилось, что Цзюэжу просит их найти человека — практика из рода людей.

— Когда-то он спас мне жизнь, но обронил свой талисман. Я очень хочу вернуть его владельцу, — в теплых глазах Цзюэжу промелькнула печаль. — Я не знаю, откуда он родом, знаю только его имя.

С этими словами Цзюэжу достал поясную пластину, искусно вырезанную из дорогого обсидиана. На оборотной стороне значились три иероглифа: «И Чифэн».

Мир Гор и Морей необъятен, как же в нем найти одного-единственного человека?

Цзян Чаншэн вгляделся в лицевую сторону жетона и заметил надпись: «Орден Сокровенного Духа».

«Так это же та самая секта, в которой состоит Ли Хунгуан!»

<http://bllate.org/book/17549/1710625>